PG 3360
.R55S6

СОНЪ,

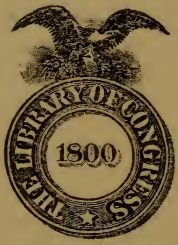
ПОХОЖІЙ НА ТУРЕЦКУЮ БЫЛЬ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ

И. РОГАШИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1863.

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928



Class PGR 2142

Book .R 72

YUDIN COLLECTION

Rogoshinskii, Ivan

Son

СОНЪ,

ПОХОЖІЙ НА ТУРЕЦКУЮ БЫЛЬ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ

И. РОГАШИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1863.

PG 3360
.R55S6

Одобрено цензурою. Апрѣля 13-го дня, 1863 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

EA Dec. 24-1972

СОНЪ,

ПОХОЖІЙ НА ТУРЕЦКУЮ БЫЛЬ.

14 ds 72

СОНЪ,

ПОХОЖІЙ НА ТУРЕЦКУЮ БЫЛЬ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ И. РОГАШИНСКАГО.

(*Посвящается И. К. Ж.*)

Вмѣсто предисловія.

До полночи я ворочался...
Фу ты! Сна, хоть тресни, нѣтъ —
Весь измучился, всклокочился,
Сквозь окно ужъ брезжилъ свѣтъ...
Наконецъ, въ изнеможеніи,
Я подъ глотку пѣтуха
Задремалъ. Чортъ знаетъ, пѣніе
Это чтоль? Но чепуха
Мнѣ такая вдругъ пригрезилась,
Что, клянусь, глупѣе сна
Даже самому ничтожному,
Подмастерію сапожному,
Не прегрезится съ пьяна.

Сны — игра воображенія —
Но вотъ мой, какъ исключеніе
Разскажу тебѣ, мой другъ,
Хоть мнѣ нынче недосугъ.

Я не думаю объ Азіи
Съ той поры какъ не учусь;
Не подверженъ и фантазіи,
Хоть поздненько спать ложусь;
То поэтому, и сонный, я
Видѣлъ вкругъ себя все стройныя
Петербургскія дома...
Ужъ наружность ихъ сама
Убивала всю фантазію,
Ну къ чему бы вспомнить Азію?
Все какъ прежде вкругъ меня...
Вдругъ, мнѣ снится, будто я
Получаю чрезъ дворецкаго
Отъ посланника турецкаго
Съ важной вѣстью письмецо.
Вотъ, подумалъ я, — оказія!
Не ослышался-ли я?
Какъ такое-де лице,
Что живу я здѣсь, узнало?
Лицъ подобныхъ очень мало,
Всѣ они на перечетъ,
Царь ихъ за руку беретъ.

И притомъ такія лица
Недоступны всѣмъ въ столицѣ.
Я въ ихъ обществѣ, червякъ,
Человѣкъ совсѣмъ не свѣтскій,
Не попалъ ли ужъ дворецкій
Показалось мнѣ въ просакъ?
И въ такомъ недоумѣніи,
Принялся было за чтеніе...
Каково же! Вотъ такъ вѣсть!
Самъ посланникъ извѣщаетъ,
По желанію Паши,
Что Паша мнѣ предлагаетъ,
При немъ мѣсто, отъ души.
Мѣсто, важное значеньемъ,
Что вакансія ужъ есть —
По особымъ порученьямъ —
Что онъ дѣлаетъ мнѣ честь
Въ эту должность выбирая, —
Такъ какъ нуженъ я для края —
Что бѣглецъ, Ѳома Лукичъ
(Ну, подумай, что за дичъ!)
Прежде бывшій со мной въ дружбѣ,
А потомъ въ турецкой службѣ —
Гдѣ теперь ужъ генералъ —
Меня самъ аттестовалъ,
И что, кинувъ я Петрополь,
Поспѣшу въ Адріанополь
Въ томъ увѣренъ онъ вполнѣ,

Что не врагъ-де я себѣ.
Что тутъ дѣлать? Какъ рѣшиться?
Переходъ меня страшилъ.
И съ Россіей жаль проститься
И востокъ меня манилъ.
Размышлялъ я... да не долго...
Что въ Россіи?—Много долгу
Нѣтъ карьеры впереди
Ни богатства, ни довольства...
Какъ нарочно, тутъ приди
Три бумаги изъ посольства
Такъ просили въ нихъ меня
Не отвергнуть предложенья,
Что отставку подалъ я,
Продалъ все свое имѣнье,
Мѣсто разомъ потерялъ
И не помню, какъ попалъ,
Позабывъ совсѣмъ Петрополь,
Черезъ день въ Адріанополь,
Въ самый города конецъ,
Гдѣ Паша жилъ, во дворецъ.
Все мнѣ было дико, ново,
По турецки я ни слова,
Но, по счастью, одинъ грекъ,
Очень бѣдный человѣкъ
При дворцѣ стоялъ у входа
И халву тамъ продавалъ,
Онъ обычаи народа

И двора мнѣ передалъ:
Самъ Паша служилъ когда-то
Даже въ званіи солдата,
Былъ ученъ на мѣдный грошъ
И собой былъ не хорошъ,
Но... по волѣ Провидѣнья,
Въ министерство просвѣщенья
Какъ-то, чудомъ онъ попалъ
Видно жребій такой палъ:
Оказался онъ потребнымъ...
На безрыбьи видѣнъ сталъ:
Правилъ округомъ учебнымъ,
А потомъ въ Паши попалъ
Впрочемъ, злобы онъ не зналъ,
Былъ немножко легковѣренъ
Но за-то престолу вѣренъ
. . . . . .
И въ диванѣ засѣдая
Счастье ввѣреннаго края,
Онъ хранилъ семь лѣтъ
И за то, что жилъ спокойно,
Награжденъ весьма достойно,
И хоть вышелъ изъ глуши,
А титулъ—Безумъ Паши
Зналъ весь бѣлый свѣтъ.
Жилъ открыто онъ, богато,
Хоть на жалованье жилъ,
Самъ султанъ свои палаты

Ему даже уступилъ.
Все, что выдумала мода
Для счастливцевъ,—было въ нихъ,
И торжественно у входа
Два стояло часовыхъ
Комнатъ столько, что послѣдней
И не видно,—цѣлый рядъ,
И рабовъ нѣмыхъ въ передней
Помѣщалось пятьдесятъ.
Всѣ такъ кланялись учтиво,
Руки на крестъ положивъ,
Я вошелъ ни мертъ, ни живъ.
Все такъ страшно, особливо
Грозенъ былъ одинъ предметъ:
Во весь ростъ, Али Магмедъ—
Снимокъ новаго султана.
Еще было очень рано,
Но просящихъ, какъ всегда,
Тамъ стояла ужъ орда.
Я замѣтилъ тотчасъ франта
Съ возмутительнымъ хохломъ
И въ рукахъ съ карандашемъ;
Вѣрно онъ за адъютанта,
Я подумалъ, подошелъ...
(Переводчикъ вслѣдъ мнѣ шелъ)
И сказалъ, склонивши выю:
„Вслѣдъ желанія Паши
„Я покинулъ молъ Россію,

„Чтобы въ Турціи служить,
„То прошу васъ, отъ души,
„Поскорѣе доложить.“
Въ знакъ того, что онъ прошенье
Передастъ же въ то мгновенье
Предо мной свернулъ въ кольцо,
Онъ свою, какъ спичка талью...
Я взглянулъ ему въ лице
И, о ужасъ! Въ немъ каналью
Я одну сейчасъ узналъ.
Онъ же будто не призналъ,
Какъ-то вдругъ засуетился,
И куда-то провалился...
Это—русскій былъ бѣглецъ
Изъ породы иностранцевъ,
По кресту изъ самозванцевъ,
По природѣ же наглецъ.
Я когда-то съ нимъ встрѣчался,
Но пріятельски не знался,
Онъ недѣлю послужилъ
Затрудняясь службы долгомъ
А тѣмъ паче крупнымъ долгомъ,
(Какъ платить онъ любилъ)
Далъ стречка—таковъ и былъ.
И вотъ здѣсь онъ поселился,
Съ той поры въ довольствѣ жилъ
Всѣмъ поклонамъ научился,
И другихъ потомъ училъ.

Вотъ пошелъ какъ онъ съ докладомъ,
Я межъ раемъ былъ и адомъ,
Что-то скажетъ мнѣ Паша?
И ушла въ носки душа!
Мигъ былъ страшный, хоть короткій
Все затихло гулъ и шумъ
Огласился залъ трещоткой
И вошелъ Паша Безумъ
Съ нескончаемою свитой,
Весь самъ въ золото облитый
Подошелъ ко мнѣ старикъ,
Добротой дышалъ весь ликъ...
Но... я все еще боялся
И плотнѣй къ стѣнѣ прижался,
Ждать ли, думалъ я, наградъ?...
„А! сказалъ онъ, очень радъ,
„Гдѣ вы до-сихъ-поръ служили?“
Я отвѣтилъ сколько смѣлъ,
Что въ Россіи честь имѣлъ,
И, не будь стѣны тутъ близко,
Не поклонъ бы свѣсилъ низкій,
А ударился-бъ навзничъ.
„Мнѣ объ васъ Ѳома Лукичъ
„Очень лестно отзывался“
(Я на все только сгибался)
„Дѣло все въ одной бѣдѣ,
„Нѣтъ вакансіи нигдѣ,
„Погодите вы не много.

„Какъ очистится дорога
„Я тотчасъ васъ помѣщу,
„Я людей такихъ ищу,
„Потерпите, ожидайте,
„А въ недѣлю эту мнѣ
„Вы для памяти подайте
„Докладную о себѣ.“
Тутъ Паша далъ знать рукою,
Что все кончено со мною!
Вы танцуете? спросилъ
И на вечеръ пригласилъ.
Я семь разъ еще склонился
Поскорѣй изъ виду скрылся
И отъ будущихъ всѣхъ благъ
Позабылъ весь прежній страхъ.
Вдругъ всѣ лица тамъ пропали
Смотрю — пусто!... ни души!...
Чрезъ минуту жъ... я на балѣ
Очутился у Паши...

. . . . . .

. . . . . .

Въ отдаленьи темномъ сада
Вдругъ зажглася миріада
Разноцвѣтныхъ фонарей,
Балъ былъ словно у царей.
Громко музыка гремѣла
Но средь этихъ всѣхъ затѣй
Не былъ самъ Паша безъ дѣла:

Онъ съ ножемъ прошелъ чрезъ залъ,
И съ засохнувшихъ вѣтвей
Очень долго обрѣзалъ
Всѣ листы съ деревъ лимонныхъ
Было много очень сонныхъ
И зѣвающихъ гостей,
А подъ тѣнью апельсинныхъ
Дамъ сидѣло много чинныхъ.
Я приткнулся у дверей,
И смотрѣлъ на всѣхъ несчастныхъ
Посѣтительницъ баловъ,
Оцѣнить ихъ—нѣту словъ....
Все отсутствіе прекрасныхъ!
Та, твердятъ всѣ, хороша
А я не далъ бы гроша.
Просто диво! гдѣ Паша
Подобралъ такія рожи?
Но морозъ подралъ по кожѣ
Такъ нечаянно меня
Что у двери обмеръ я:
Отъ чего вашъ видъ не веселъ?
Самъ Безумъ, пройдя чрезъ залъ,
Мимоходомъ мнѣ сказалъ.
Я поклонъ ему отвѣсилъ
И скорѣй, покуда цѣлъ
У дверей гостинной сѣлъ.
Тамъ сановники сидѣли,
Всѣ въ нарядахъ дорогихъ,

Что-то пили или ѣли,
Ужъ не помню, но изъ нихъ
Былъ одинъ большой ораторъ
Чуть не вице ль губернаторъ,
Весь обросшій бородой,
Малый добрый, но пустой,
Такъ, казалось мнѣ, по мнѣ,
Онъ оканчивалъ свой споръ
О сосискахъ и свининѣ
(Запрещенный разговоръ!)
Вдругъ взошелъ единородный
Сынъ Паши—Абдулъ Аббасъ
Не уклюжій, не свободный,
Какъ медвѣди всѣ у насъ.
Всѣ привстали, поклонились—
Онъ и усомъ не моргнулъ,
Только плюнулъ и зѣвнулъ.
На меня чуть чуть скосился,
Осмотрѣлъ съ главы до ногъ
И на креслахъ развалился,
А глаза свелъ въ потолокъ.
Споръ еще о чемъ-то длился,
Чтобъ Абдулъ не огорчился,
Что онъ всѣми позабытъ
И чуть чуть уже не спитъ,
Къ нему съ просомъ обратился
Кто-то важной изъ гостей:
Чѣмъ откармливать свиней?

Но Абдулъ не измѣнился,
Ничего не отвѣчалъ
И главой лишь замоталъ,
Я невольно изумился,
Что же глухъ онъ или нѣмъ?
Но причины самъ добился
Онъ хвораетъ, да не тѣмъ;
Не съ бездѣлья, не отъ скуки
А для пользы и науки
Посылалъ его Паша
На два года за границу.
Онъ объѣхалъ всѣ столицы,
Все спустилъ въ нихъ до гроша,
Ни чему не научился,
И забывъ что прежде зналъ
Годомъ раньше воротился,
Всѣхъ способностей лишился
И съ тѣхъ поръ такимъ ужъ сталъ
Климатъ былъ всему причиной
Иль природы въ томъ вина?
Не могла съ такой дѣтиной
Видно справиться она?
Я того все добивался
И порядкомъ не узналъ...
Какъ тутъ спутался весь балъ.
Слышу всюду тары-бары...
Вдругъ какіе-то татары
Очутились предо мной

Съ разноцвѣтной бахрамой,
Что-то пили, ѣли, врали,
Не упомню ужъ всего,
А за тѣмъ уже о балѣ
Я не помню ничего,
Все во снѣ перемѣшалось
Ничего не разобрать
Только, кажется, промчалось
Уже мѣсяцевъ такъ пять
Я все время дожидался,
Въ слово вѣруя Паши,
Но нарочно какъ примчался
Въ это время, изъ глуши
Человѣкъ съ прескверной рожей
Юныхъ недругъ, старыхъ другъ,
На жида весьма похожій,
Хоть былъ родомъ Мамелюкъ;
Одѣвался онъ по модѣ,
Былъ завистливъ безъ души,
И вотъ онъ-то, чѣмъ-то въ родѣ
Сталъ помощника Паши,
Напослѣдокъ, очень скоро
И правителемъ всѣхъ дѣлъ,
Къ довершенью же позора
И Пашею завладѣлъ.
Тотъ былъ добраго десятка,
Воли твердой не имѣлъ,
Мало дѣло разумѣлъ...

Такъ вотъ этотъ, для начатка
Все прибрать къ рукамъ съумѣлъ
Самъ онъ былъ изъ генераловъ
Хоть въ petits jeux играть умѣлъ,
Не навидѣлъ либераловъ
И въ комъ волосъ не сѣдѣлъ.
И въ числѣ всѣхъ дикихъ мнѣній
Въ немъ увѣренность была,
Что на свѣтѣ больше зла,
Нѣтъ учебныхъ заведеній
Онъ языкъ французскій зналъ
Не любилъ, чтобъ подчиненный,
Хоть и правый, возражалъ,
И въ Сибири отдаленной
Прежде съ кѣмъ-то воевалъ.
И такого-то вотъ гуся,
Дѣлать нечего, спросить
Собирался я, хоть-труся,
Гдѣ прикажите мнѣ жить?
Вотъ въ передней будто тѣсной
Я прошу о мнѣ сказать,
Но отвѣтъ даютъ извѣстный:
Приказали подождать.
Наконецъ меня въ пріемную
Удостоили просить—
Я состряпалъ мину скромную,
Точно мнѣ минуту жить,
Поспѣшилъ скорѣй оправиться,

Чтобы болѣе понравиться
А вошелъ и—замеръ духъ:
Мамелюкъ и въ прахъ и въ пухъ
Распекалъ тамъ офицера
По дѣломъ и для примѣра
И кричалъ: „ты виноватъ,
„Ты достоенъ быть повѣшенъ,
„Но я добръ... будь утѣшенъ
„Тѣмъ, что только ты солдатъ!“
Послѣ этой сильной рѣчи
Я готовился ужъ къ встрѣчи,
Но въ мгновенье это вдругъ
Самъ подходитъ Мамелюкъ.
Сердце такъ вотъ и заныло...
Вы за чѣмъ? На сколько было
У меня и словъ и силъ
Все ему я объяснилъ.
Что, молъ, край родной оставилъ
Мѣсто въ службѣ потерялъ.
А потомъ уже прибавилъ,
Что Паша мнѣ слово далъ,
Что я только для Паши
И уѣхалъ изъ Руси,
Что на мѣсто я-бъ годился
Такъ какъ все таки учился...
Но сердитый Мамелюкъ
На меня какъ топнетъ вдругъ...
„Намъ ученыхъ здѣсь не надо

„А тѣмъ больше безъ бородъ
„Вамъ и то уже награда
„Говоритъ, что цѣлъ животъ,
„Что вы Турцію видали,
„Во дворцѣ Паши бывали,
„Виноваты же вы въ томъ,
„Что склоняться не умѣли,
„Рукъ не клали вы крестомъ
„И похвалъ двору не пѣли.
„Такъ и быть ужъ я берусь
„Васъ спровадить безопасно
„На отчизну вашу—Русь.
„Вы неопытны ужасно...
„А тамъ года черезъ два,
„Я васъ вызову сюда.
„Уѣзжайте теперь смѣло“.
Тутъ въ глазахъ все потемнѣло,
Зашаталось у меня
И себя не помню я...
Долго я во снѣ мѣтался...
Но... совсѣмъ не просыпался...
Мнѣ мерещился возвратъ
Точно пропасть, точно адъ...
И вотъ я, съ послѣдней силой,
Блѣдный, мрачный и унылый,
Чтобъ смягчить такой конецъ,
Вновь плетуся во дворецъ
Снова кланяюся низко

Подаю Пашѣ записку
Докладную о себѣ:
О своей молю судьбѣ.
На душѣ такъ тяжко... скучно...
Что жъ Паша? Онъ равнодушно
Вмѣсто всякаго суда
Взялъ прочелъ ее едва,
Быстро нѣсколько каракулъ
Толстымъ шрифтомъ намаракалъ,
И сказалъ, подавъ ее:
„Вотъ рѣшеніе мое:
„Я весьма, весьма жалѣю,
„Что вакансій не имѣю
„Вотъ прочтите на поляхъ
„Да поможетъ вамъ Аллахъ".
Я въ записку углубился,
Ничего въ ней недобился,
Объясните, говорю,
Я его секретарю.
Что жъ? Безумъ въ ней извѣщаетъ,
Что вакансій нѣтъ въ виду,
Но что ихъ онъ презираетъ
И поправилъ бы бѣду,
Да по мнѣнью Мамелюка,
Борода за умъ порука.
„У кого же только пухъ,
„Тотъ въ число негоденъ слугъ".
Прочитавши мнѣнье это,

Я невзвидѣлъ просто свѣта.
Ну, сказалъ себѣ, пропалъ!
Всѣхъ по русски обругалъ...
Не сдержать мнѣ было духу
Что жъ за подлость? говорю
И съ размаха оплеуху
Залѣпилъ секретарю...
Поднялось кругомъ смятенье
Просто,.. свѣтопредставленье...
Я стречка... за мной народъ...
На чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ...
Вотъ ужъ за ноги хватаютъ...
Вотъ схватили уже... Вотъ...
Я на камняхъ растянулся...
Застоналъ вдругъ... и... проснулся!
Тьфу ты пропасть! Экой сонъ!
Вѣдь измучилъ какъ безбожно,
Ну, случись-ка, вправду онъ...
Все вѣдь въ Азіи возможно!

Иванъ Рогашинскій.

10 Октября.
1862 г.

КИНИСТЪ
ЛОЧКОВЪ
ный пр.55
ЕРБУРГЪ.

Цѣна 40 коп.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00025292662